

Н

А МАЛЕНЬКОЙ СЦЕНЕ, освещенной маленькими прожекторами, стоит ширма.

На сцену выходит Сергей Владимирович Образцов и начинает разговаривать с залом. Он говорит о разных разностях: о том, как принимал его Вл. И. Немирович-Данченко в Художественный театр, о том, какой у него был замечательный учитель — театральный педагог Ксения Ивановна Котлубай и что настоящий учитель — это навсегда совесть человека. О том, как благодарен он матери за то, что она терпела в детской комнате голубей, мышей, щенков, кошек и укрепила в нем любовь к животным. И тут же добавляет, что нужно развивать эту любовь в детях, что он не смеет утверждать, что каждый ребенок, мучившийся в детстве животными, непременно станет бандитом, но уверен, что каждый бандит в детстве начинал с этого.

Говорит о том, что считает вредными детские конкурсы, когда ребятам дают премии за рисунки, пение или чтение стихов, — это порождает зародыши тщеславия, отравляет подлинный интерес детей к искусству. И опять благодарит родителей за то, что у них в семье пели без аплодисментов, без демонстрации способностей детей знакомым, так сказать, «честно пели».

Говорит об ужасе и смехотворности всякого штампа, в том числе и газетного: «Представьте себе, что живут двое молодых супругов — Петя и Маша. И однажды Петя говорит Маше: поедим на Урал, в деревню. И они едут. Отдыхают, удят рыбу, охотятся и т. д. Вернувшись, рассказывают об этом своим знакомым, и кто-то говорит Пете: напиши об этом в газету, это очень интересно. И Петя садится и пишет: «Летом мы отдыхали в одном из отдаленных уголков нашей необъятной Родины». Так и печатают, все читают и даже не очень удивляются. А зачем так? Разве Петя сказал бы Маше: «Знаешь что, поедим в один из отдаленных уголков нашей Родины». «Ты что, с ума сошел?», — сказала бы ему Маша. Почему же он в газете — для всех пишет так? Что, мы глупее его Маши, что ли?»

Сердится, что часто люди не понимают того, что каждое искусство имеет свои законы и нельзя из одной и той же повести делать кинокартину, пьесу, оперу и балет. И дальше смешно изображает, как будет выглядеть заседание месткома в опере и балете.

Вечер Образцова не похож на концерт, хотя он и показывает своих кукол, свои известные концертные «номера». Не похож он и на публичную лекцию, хотя он и говорит о своей профессии, о своем театре, об искусстве вообще.

Больше всего это похоже на то, как будто вы побывали в гостях у очень интересного человека, который поговорил с вами доверчиво и довольно откровенно о том, что его самого волнует и занимает. Рассказал вам о своем детстве, о своем отце и матери, о поисках профессии, своего места в жизни, о своем нестыивающем интересе к рыбам, к деревьям и собакам, к музыке и к куклам.

И хотя вы в этой беседе не сказали ни слова, но невольно думали и о своем детстве, и о своей профессии, и о своем отношении к искусству и к жизни. Так что своеобразный монолог Образцова стал, по сути дела, диалогом с вами, с каждым, кто сидит в зале.

Перед вами не заискивали, не старались понравиться, удивить, рассмешить. Разговор был то раздумчивым, то насмешливым, то даже запальчивым, немного раздраженным — в зависимости от того, о чем заходила речь.

В беседе не было ни тени поучений, «наставлений», никакой многозначительности, но она была очень серьезной, несмотря на обилие шуток, на то, что все было пронизано и согрето чувством юмора. Вам казалось, что этот разговор нужен прежде всего самому Образцову, поэтому он становился нужным и вам.

И только потом, уже после вечера, вспоминая о нем, вы начинаете думать, что это, по сути дела, большое и тонкое искусство — искусство такой непринужденности, такой естественности, что во всем этом есть величайшая продуманность, выверенность, артистичность, чувство меры и такта, темперамент и хитрость, увлеченность и расчет, то есть все то, что необходимо в любом искусстве.

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно представить себя на месте Образцова — пойдите, поднимитесь на эту маленькую сцену и поговорите со зрителями, расскажите им о своих волнениях и заботах, о своей работе, о своих папе и маме... Вряд ли это

ЧЕЛОВЕК. НЕ ЗАБЫВШИЙ СВОЕГО ДЕТСТВА

получится у вас так обаятельно и просто, как получилось у Образцова.

Сомневаюсь, что вас будут слушать незнакомые вам люди, что самая подлинная ваша откровенность не покажется навязчивой и нескромной. Такие разговоры хороши за чайным столом или в купе поезда (тут все равно делать нечего, отчего и не послушать словоохотливого попутчика), а на сцене это совсем другое дело. Тут вам не простят длиннот и обмолвок, банальностей и косноязычия, излишней застенчивости или излишней развязности. Одним словом, здесь необходимо искусство, и искусство немало.

Но и его, конечно, недостаточно. Прежде всего нужна серьезная потребность, необходимость, цель разговора.

При всей легкости и непринужденности беседы, при абсолютной естественности «разговорных» интонаций Образцова у него есть то, что совсем не обязательно для любой дружеской беседы за чайным или обеденным столом, — внутренний пафос, желание убедить и, если нужно, переубедить, заставить видеть мир по-своему, то есть то, что составляет нерв и существо всякого высказывания в искусстве.

Вы чувствуете, что Образцов «разговаривался» с вами потому же, почему он ставит спектакли, пишет книги, выступает на концертах, снимает фильмы.

Он вступает в борьбу с вашим невниманием к жизни и к ее удивительным явлениям, с вашей предвзятостью и привычкой к штампованным, общепринятым суждениям, с вашей занятостью и «деловитостью», которая подчас гасит свежее восприятие мира, лишает столько радости. Он хочет, чтобы вы стали, были художником, независимо от вашей профессии, чтобы вы всегда держали глаза открытыми для непосредственного, непредвзятого восприятия мира. Он борется с вашей «взрослостью», с вашим скепсисом, он убеждает вас не предавать, не забывать «страну детства», ту страну, в которой вы, как и каждый, были всего счастливее, добрее и чище.

И сам он по-детски сердится на невосприимчивость некоторых людей к искусству, к его законам, к законам прекрасной и свободной игры воображения.

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН

Я помню, как в одной семье маленький мальчик, лежа на ковре, упорно и сосредоточенно делал «плавательные» движения.

«Сейчас же встань с ковра, перестань заниматься глупостями», — строго сказали ему взрослые. Он встал и сердито возразил: «Это не ковер, это река, я уже почти доплыл до берега, вы ничего не понимаете...» И убежал, обиженный.

Образцов хочет, чтобы никогда не обижали детей, не обижали художников в их вере в благородный вымысел. Он сердится, когда встречает недоверие к условиям игры, к замечательным условностям искусства.

Может быть, именно поэтому он обращается к искусству самому условному, самому «детскому», может быть, именно поэтому он до седых волос «играет в куклы». Его куклы насмешливы и лиричны, они оживают на наших глазах, мы смеемся и восхищаемся этой удивительной человеческой способностью — вдохнуть душу в лоскутки и тряпочки, придать характер маленькой глупой кукле со стеклянными глазами, «очеловечить» два шарика, надевшие на пальцы, и разыгрывать с ними целую сцену.

Из-за скромной ширмы появляются знаменитые образцовские куклы: обезьянки и собачки, по-своему «интерпретирующие» известные романсы, жалкий титулярный советник и надутая генеральская дочь, неистовая Кармен и пленный Хозе, скулящий тигр, с отвращением проглатывающий надоедливую укротителя, бесшабашный пьяница с настоящей бутылкой, цыганская певица с огромными, унижающими перстнями «образцовскими» руками, озорной, не желающий спать Тяпа с круглыми глазами и смешным хохолком на розовом голем темечке. Славные, смешные и чем-то трогательные ветераны многолетней концертной деятельности. Было интересно: как прозвучат эти давние номера, не устарели ли они? Нет, образцовские куклы по-прежнему полны жизни и юмора. Время, пожалуй, чуть притупило злободневную язвительность некоторых из них, зал не грохочет бурными взрывами хохота, а скорее, светлеет добрыми, радостными улыбками. Злоба дня кое-где ушла, доброта и юмор остались.

Образцовские куклы кажутся довольно простыми, не очень нарядными — в спектаклях его театра есть куда более хитроумно устроенные и эффектные «артисты». И тем не менее чувствуешь, что они дороги Образцову, как бывает дорога ребенку старая потертая тряпичная кукла, дороже самой роскошной игрушки. Ибо с ней, именно с ней связаны самые дорогие фантазии, вымыслы и игры.

Именно эти куклы завоевали любовь множества зрителей, и до сих пор они служат Образцову верой и правдой, помогают ему смеяться над пошлостью, штампом, всяческой обывательской нелепицей.

Эти куклы — союзники Образцова в его борьбе за то, чтобы вы расстались со своей узкой и скучной взрослостью, вернули себе способность по-детски верить в замечательную игру, именуемую искусством, по-детски зорко видеть все чудеса и красоты, именуемые природой.

И он добивается своего — хотя бы тем, что вы смеетесь и радуетесь тому, как извиваются цепкие руки его Кармен, как закатывает глаза певица, как болтаются в пасти у тигра ножки укротителя, как сосет палец неутомимый Тяпа.

И с увлечением слушаете рассказы Образцова о том, какой будет у него новый театр, какие там будут необыкновенные часы, и сад, и фонтаны.

А в антракте стоите в фойе перед аквариумами и смотрите, как кормят рыб, как берут пинцетом корм, опускают в воду, как бросаются к нему рыбы, жадно хватают, мгновенно проглатывают и тут же обретают свое рыбье достоинство, начинают плавать неторопливо и важно до той поры, пока снова не бросят корм.

Так не только куклы, но даже рыбы, плавающие в аквариуме, становятся союзниками Образцова. И, конечно же, недаром их кормят именно в антракте — все для того, чтобы вы остановились и разинули рот не хуже маленького ребенка. В этом театре вообще почему-то хотят, чтобы вы, взрослые, серьезные люди, стали «не хуже маленького ребенка», стали добрее, доверчивее, искреннее.

Уходя с вечера Образцова, думаешь о многих достаточно серьезных вещах — о воспитании нравственного и эстетического чувства и о неразрывности этих чувств, о природе и существе искусства.

И вдруг вспоминаешь, как Образцов сказал, что у него в ванне живут два крокодила, подаренных ему в какой-то стране. И начинаешь думать о том, как же они живут там, в ванной, чем их кормят и что будет с ними, когда они вырастут и перестанут помещаться в ванне.

И опять Образцов добился своего, опять хотя бы на минутку он заставил вас в изрядно позабытую вами страну детства. Но вам почему-то хорошо от этого.

И вы благодарны ему, этому странному человеку, с его куклами, рыбами, голубями, собаками, с его рассказами и песнями. Человеку, у которого в ванной живут два крокодила. Человеку, не забывшему своего детства.

Фото Г. Дубинского.